

БЯША.
Рассказ.

Осенний погожий день клонился к закату.

Солнце, расточив за лето тепло, светило не ярко, но довольно ласково, обогревая пожухшую уже траву и бока овец, бродивших по берегу небольшой, но глубокой речушки. Среди всего стада особенно выделялся своим видом и нравом один барашек. Его светлая шерсть растекалась по телу волнами, отливая едва уловимым голубоватым оттенком. Добрые, доверчивые глаза смотрели на мир с лёгкой грустинкой, а мордашка, казалось, сошла с холста мастера эпохи Возрождения. Такие агнецы изображались в религиозных сюжетах, олицетворяя собой невинность и чистоту.

Бяша, просто Бяша, именно так ласково звали его хозяин и сын хозяина Азамат, весело и игриво резвился на берегу, затрагивая собратьев. Кто был постарше – уклонялся от игр, кто помоложе – откликался. Но не было у откликнувшихся такого задора, такой искренней бодрости, которые исходили от Бяши.

Солнышко, ветерок, обдувающий пасущихся – всё радовало, и он прыгал, скакал, бегал по отлогому берегу, вскарабкивался на те места, которые дыбились над рекой. Окружающий мир и особенно симпатичная ярочка, благоволившая к нему,

заряжали энергией. Баранчик без устали веселился, втягивая своих товарищей в карусель игрищ.

Выписав очередной вираж, Бяша боком-боком, не глядя на речку, пятился, припрыгивая, вдоль обрыва... Холод, в который свалился, поначалу показался необычайно приятным и добрым. Он успокаивал, истомно остужал разгорячённое тело. Барашек плыл по ленте речки, прикрыв глаза от удовольствия. Косые солнечные лучи золотили берег, озорно бегали по водной ряби, вторя восторженному восприятию действительности. Но данное восприятие в миг испарилось, когда захотел выбраться из чуждой среды. Берег, казавшийся невысоким и отлогим, отвесно обрывался, пряча в глубине спасительное дно, поэтому сходу выскочить не удалось. Тогда надумал ловкостью преодолеть барьер: напрячь все мускулы и выпрыгнуть из реки. Маневр оказался безуспешным: ноги, не найдя опоры для толчка, беспомощно забуздились в невесомости, вздымая брызги, образуя небольшие водовороты. Неудача не остудила пыла, он вновь нахрапом попытался взять препятствие. Однако попытка была напрасной. Бяша нещадно месил воду, которая нахально вливалась в ноздри и щипала глаза, бороздил передними копытами землю, ни на сантиметр не продвигаясь вперёд. Отчаяние охватило душу и в этом отчаянии стал биться и колотиться о ставшую ненавистной речку, теряя с каждой минутой силы, уверенность... Через какое-то время обессилив, затих.

Неспешное течение потащило его вдаль... Вода, ещё недавно нежно остужавшая туловище, становилась холоднее и холоднее, леденя сквозь каждую шерстинку кожу. Задубелость, сковав члены пловца, вводила в полудрёму. Всё в одночасье стало скучным, безразличным. Он медленно, миллиметр за миллиметром, опускался в водяные объятия. Тонкая, обжигающая струйка ринулась в нос и вернула к действительности. Закашлявшись, зашевелился, тоскливо осмотрелся вокруг, выискивая место, где можно было бы выбраться на сушу. Легонько шумевший камыш показался почему-то именно тем местом, которое подарит конец мучениям. Встрепенулся, решительно направился к нему. С разгона вплыл в середину жёлто-зелёных зарослей и вновь усиленно заработал ногами. Камышины, поддавшись под весом, легли под тушку, и Бяша обрадовался, почувствовав снизу хоть какую-то опору. Радость оказалась преждевременной потому, что стебли и листья резали морду, норовили попасть в глаза, ломались и раздвигались, лишая надежды на спасение... Громко, отчаянно заблеял. Звал на помощь хозяина, Азамата, своих соплеменников. Тщетно. Тишина, где нашлось место только шуршанию камыша, усиливала его беспомощность... Сообразив, что от зарослей, кроме обмана, нет никакого проку, бедолага начал выплывать на простор реки, казавшийся в эти минуты менее опасным. На середине почувствовал, сколько потерял сил... Дыхание стало прерывистым и

хриплым. Тяжёлым. Воздух, впиваясь в лёгкие, вызывал в них боль, а сердце, стучавшее быстро и гулко, отдавало в висках, и оттого туманился взор. Стон, вырвавшись из глубины то ли груди, то ли нутра, заглох в равнодушии воды и земли... Нигде ни единой души. Находился бы рядом человек, Бяша уверен был в этом, он непременно бы помог ему... Но никого, никого нет поблизости. Не понимая зачем, направился к противоположному берегу, который нависал круто, обрывисто, насуплено. Подплыв совсем близко, животное осознало ошибку и повернуло обратно. За ленивым поворотом открывался просвет между камышами и именно туда направился неудачник. Как же тяжёл и далёк этот путь! Будь он на суше – в несколько прыжков одолел бы его. А сейчас... Сейчас, задыхаясь от невероятной усталости, коченея от холода, сводившего судорогой мышцы, плыл к спасительной кромке. Туловище, обременённое налитой усталостью и промокшей, а оттого и отяжелевшей шерстью, уже почти не подчинялось воле, неумолимо притягивалось ужасающим мраком дна... Для того, чтобы дышать, а значит, быть на плаву, всё выше и выше задирает голову, отчего, затекая, ныли вязы... Когда, наконец, передние конечности коснулись террасы берега, прикрытой водой, они подогнулись... Бяша, содрогаясь от конвульсий, перенёс всю тяжесть тела на них. Задние на остатке сил дёргались, пытаясь зацепиться за землю... Надсадно работавшие меха лёгких всасывали с

жадностью воздух, которого всё равно не хватало, и горячей струёй выбрасывали его через ноздри... Близость спасения заставляла мелкими рывками втаскивать себя на ступени отмели. Выбравшись из глубины, совершенно обессилив, неподвижно замер, уткнув морду в траву. Его бил озноб, и он не мог понять, отчего дрожит: то ли от холода, то ли от страшной усталости... Не чувствуя ног, приподнявшись, стал преодолевать последний барьер. Передние уже стояли на тверди, а задние – ещё в воде и не было сил передвинуть их на какие-то полметра вперёд. Передохнув, рванулся вверх и замер, почувствовав наконец-то опору... Часто, объёмно вздымались бока, тело заволнилось попеременно то мелкой, то крупной дрожью. Покачиваясь, мученик повернул голову в сторону реки и долго, не отрываясь, смотрел на неё...

На пригорке показалось разбредшееся стадо, обратив туда взор, попытался подать голос. Вместо озорного и задорного блеяния из горла вырвался невнятный звук, который едва ли кто мог услышать... К нему медленно приблизились сородичи и удивлённо смотрели, словно не узнавая. Только молодая ярочка, пассия Бяши, кокетливо подбежала к барашку, но тот остался равнодушным к проявленному вниманию. И она, и кто был с нею трусливо и торопливо отбежали в глубь степи, когда свалился в текучую холодрыгу... от этого становилось почему-то больно, обидно... Хотя, собственно, никто из них не смог бы помочь... Но всё

равно обида угнетала. Отвернувшись от стада, вновь уставился на синеющее полотно реки...

Солнце уже закатилось за горизонт, и вечер наносил прозрачные краски на холст небосклона.

Тишина растекалась вместе с акварелью заката, предваряя ночь, полную отдыха от забот, переживаний, треволнений. И в этой тишине раздался тенорок Азамата: «Домой! Пошли домой!» Овцы послушно засеменяли по знакомой дороге на баз. Страдалец чикилял в хвосте стада, не в силах унять всё ещё колотивший озноб. За ним, за последним, Азамат закрыл ворота...

Войдя во двор, где слышался смех и краснел мангал, юноша сказал отцу: «Что-то Бяша захирел. Еле-еле приплёлся».

- Что ж поделаешь, сынок. На всё воля Всевышнего: кому отмерян долгий срок, кому – короткий.

У нас гости, я всё думал, какого барашка пустить на шашлык. Теперь и думать нечего.

Он вошёл на баз, где в углу одиноко стоял горемыка, ласково потрепал по загривку, потом ловко завалил набок и, откинув его голову, полоснул ножом по горлу...

В быстро остекленевших глазах Бяши отразились далёкие звёзды и прыгали прыткие отблески костра, вокруг которого веселились люди...

г. Москва, ГНЦ,
октябрь 2003 г.